

Остафьевский архив князей Вяземских

Часть 1. 1812-1819

УДК 82-94
ББК 63.3-8
О-76

О-76 Остафьевский архив князей Вяземских: Часть 1. 1812-1819 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 736 с.

ISBN 978-5-518-43241-3

Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1812-1845. Часть I: 1812-1819. С примечанием. Издание графа С.Д. Шереметева. Под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова.
Остафьевский архив князей Вяземских продолжение издания "Архив князя Вяземского".
Репринтное издание 1899 года. Типография М.М. Стасюлевича.
Испорчена страница 302.

ISBN 978-5-518-43241-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Переписка князя Петра Андреевича Вяземскаго съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ велась съ нѣкоторыми перерывами въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ и прекратилась только со смертію Тургенева, скончавшагося 3-го декабря 1845 года.

Значеніе издаваемаго собранія писемъ заключается въ богатствѣ того матеріала, который оно даетъ для исторіи литературы, просвѣщенія и общественной жизни въ Россіи, а частію и въ западной Европѣ. Въ цѣломъ видѣ переписка князя Вяземскаго съ Тургеневымъ появляется въ свѣтъ впервые, но нѣкоторые отрывки изъ нея были приведены въ статьѣ князя Павла Петровича Вяземскаго: „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ“ (см. Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1893, стр. 469—563). Въ настоящее собраніе включены также письма Николая Ивановича и Сергѣя Ивановича Тургеневыхъ къ князю Петру Андреевичу и къ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземскимъ ¹⁾ и тѣ немногія письма обоихъ друзей-корреспондентовъ, которыя уже появились въ печати. Точныя библиографическія указанія о подобныхъ перепечаткахъ находятся въ примѣчаніяхъ къ письмамъ.

Вся переписка раздѣлена на четыре тома. Первый томъ заключетъ въ себѣ письма 1812—1819 гг.; второй томъ—письма 1820—

¹⁾ Письма Н. И. и С. И. Тургеневыхъ не включены въ общую нумерацію писемъ. Въ настоящемъ томѣ встрѣчаются только письма Н. И. Тургенева, напечатанныя на стр. 102, 103 и 192.

1823 г.; третій томъ—письма 1824—1836 г.; четвертый томъ—письма 1837—1845 годовъ.

Оригиналы писемъ, вошедшихъ въ первый томъ настоящаго изданія, за небольшимъ только исключеніемъ, не имѣютъ точныхъ хронологическихъ датъ, а потому эти послѣднія приходилось устанавливать, руководствуясь содержаніемъ писемъ. Определенныя такимъ образомъ даты въ отличіе отъ датъ, выставленныхъ самими корреспондентами, заключены въ прямые скобки.

Печатается переписка князя П. А. Вяземскаго съ Тургеневыми почти безъ сокращеній; исключены лишь тѣ немногія выраженія и отдѣльныя слова, которыя не допускаются въ печати. Эти пропуски обозначены въ текстѣ одною чертой или нѣсколькими, смотря по количеству пропущеннаго.

Считаю долгомъ выразить свою искреннюю признательность И. М. Болдакову, Э. А. Вольтеру, В. П. Ламбину, А. М. Ловягину, Л. Н. Майкову, А. И. Маленину, барону В. Р. Розену, Вс. И. Срезневскому, П. А. Соколовскому, К. Θ. Феттерлейну, А. А. Флоридову, Н. Д. Чечулину, Н. К. Шильдеру и Р. И. Эрмерину, любезнымъ содѣйствіемъ которыхъ я пользовался при настоящемъ изданіи.

Сообщеніемъ необходимыхъ мнѣ рукописныхъ матеріаловъ для примѣчаній я обязанъ И. А. Бычкову, П. М. Майкову, Л. Н. Перетцу, В. В. Руммелю, А. Θ. Шидловскому и преимущественно Г. Θ. Штендману, относившемуся къ моимъ запросамъ съ рѣдкою предупредительностью.

Особенную благодарность привошу Б. Л. Модзалевскому. Его образцовое во всѣхъ отношеніяхъ сотрудничество въ большой мѣрѣ облегчаетъ мнѣ дѣло изданія обширной переписки князя Вяземскаго съ Тургеневымъ.

1-го декабря 1898 года.

1812.

1.

Князь Вяземскій Тургеневу.

[Первые мѣсяцы]. Москва.

Милостивый государь Лаврентій (кажется) Никитичъ!

Ты добрый человекъ, твой мнѣ пріятель видѣ,
И вѣрно дѣвушка не сдѣлаешь обидѣ.

(Изъ «Опаснаго Сосѣда»).

Хотя я и не изъ числа дѣвушекъ, — — — — но не менѣе надѣюсь на твое добросердечіе и для того прошу всеповорнѣйше сказать мнѣ два слова о твоёмъ почтенномъ и безмолвномъ баринѣ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. Не получая ни одной строки отъ сего таинственнаго высокородія, теряюсь въ сомнѣніяхъ, терзающихъ мою дружбу въ нему. „Онъ лѣнивъ, онъ равнодушенъ въ друзьямъ своимъ“, говоритъ мнѣ разсудокъ. „Такъ точно“, отвѣчаетъ разсудку мое сердце. „Но онъ весьма дѣятеленъ за трапезою и усерденъ въ кулебякамъ“, говоритъ опытность, и сердце мое робѣетъ. Можетъ быть, его высокородіе изволилъ обкушаться и лежитъ теперь съ рѣзомъ въ животѣ — — —, а можетъ быть, уже пошелъ онъ отвѣдать

Вина и адскихъ пироговъ?

Лаврентій (кажется) Никитичъ (а по другимъ догадкамъ) Дементьевичъ, рѣши мое сомнѣніе! Сжался надъ бѣдственнымъ недоумѣніемъ и скажи, умеръ ли Тургеневъ для всѣхъ, или только для меня одного? Повторяю тебѣ:

Ты добрый человекъ, твой мнѣ пріятель видѣ,
И вѣрно москвичу не сдѣлаешь обидѣ.

Остаюсь въ услугамъ тебѣ покорнѣйшій слуга князь Петръ
Вяземскій.

2.

Тургеневъ князю Вяземскому.

18-го марта 1812 г. С.-Петербургъ.

Первою свободно минутою пользуюсь, любезный Вяземскій, чтобъ поблагодарить тебя за пріятныя минуты, которыми я обязанъ тебѣ. И прежде моего пріѣзда въ Москву я любилъ тебя и желалъ покороче съ тобой познакомиться; теперь прошу тебя о продолженіи твоей дружбы, а въ знакъ благодарности за тѣ удовольствія, которыми я наслаждался въ твоей бесѣдѣ, посылаю тебѣ панегиричь, читанный Дашковымъ въ Обществѣ любителей российской словесности, при принятіи графа Хвостова въ почетные члены. Онъ все это выслушалъ съ мученическимъ терпѣніемъ и — позвалъ автора къ себѣ обѣдать; и обѣщалъ напечатать на собственный счетъ все то, что на его счетъ написано будетъ. Я успѣлъ видѣться съ твоими пріятелями и вручить имъ письма твои. Они собирались писать къ тебѣ. И Блудовъ, и Батюшковъ хотятъ пригласить тебя въ сотрудники къ себѣ для преподаванія курса дурной словесности. Предисловіе въ сему курсу уже готово. Постараюсь прислать тебѣ его.

Порученія твоего я не забылъ и уже совѣтовался съ кѣмъ надобно. Какъ скоро открою что-либо для тебя выгодное и сходное съ твоимъ желаніемъ, немедленно тебя увѣдомлю. Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ точностью, съ которой я буду исполнять твои порученія. Приношу мою чувствительнѣйшую благодарность внягнѣ за ея ласки и за доброе ко мнѣ расположеніе. Когда буду имѣть болѣе свободнаго времени, то буду и писать болѣе. Надѣюсь, что ты сдержишь данное обѣщаніе и съ своей стороны. Прости, любезный другъ, помни и люби преданнаго тебѣ Тургенева.

Поклонись всѣмъ пріятелямъ, особливо Василю Львовичу и прочимъ.

3.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го апрѣля. [Москва].

Благодарю тебя, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за твое письмо и за чувства, въ немъ выраженные. Дружба твоя мнѣ драгоценна и надѣюсь всегда ее заслуживать. Благодарю и за присылку похвальной рѣчи, которую не могу похвалить. Въ ней замѣтно сильное желаніе быть острымъ и весьма слабый успѣхъ. Василій Львовичъ, какъ разумѣется, читая ее, билъ себя по — —, теръ руки, хохоталъ, орошалъ всѣхъ росой устъ своихъ и въ душѣ повторилъ вѣтву и присягу боготворить Дашкова и дивиться каждому слову его.

Веселія съ тобою улетѣли: всѣ лица мрачны, разговоры всѣхъ еще мрачнѣе. Надобно дождаться *Свѣтлаго Воскресенья*, но когда оно будетъ? Скажи Батюшкову, что онъ повѣса и мерзавецъ; скоро отрежусь я отъ него вовсе: вотъ ужъ съ мѣсяцъ какъ не получаю отъ него ни строки. Что онъ у васъ дѣлаетъ? Я думаю, по обыкновенію своему, ничего. Я намедни познакомился съ твоимъ братомъ въ концертѣ и, надѣюсь, буду его завтра имѣть у себя въ обѣдъ. Блудову мой поклонъ. Прости, любезнѣйшій! Не забывай преданнаго тебѣ Вяземскаго и давай ему иногда о себѣ извѣстія.

4.

Князь Вяземскій Тургеневу.

16-го октября. Вологда.

Я давно не писалъ къ тебѣ, любезный Александръ Ивановичъ. Обстоятельства, разсѣянія, а послѣ и важныя происшествія, завладѣвшія совершенно и вниманіемъ, и всѣми способностями души и разума, были тому причиною. Теперь, богатый и временемъ, и чувствами, пишу къ тебѣ, чтобы напомнить о себѣ и отвести съ кѣмъ-нибудь душу, стѣсненную и мрачную. Ты могъ уже узнать отъ Сѣверина, что я былъ въ арміи и въ чудесномъ

дѣлѣ 26-го августа, казавшемся намъ всѣмъ столь выгоднымъ, по котораго послѣдствія обременили имя русскаго вѣчнымъ стыдомъ — сдачею Москвы; могъ узнать, что потерялъ въ немъ двухъ лошадей, и больной отправился послѣ того въ Москву, изъ нея въ Ярославль къ женѣ, а съ нею изъ Ярославля въ Вологду, откудова и пишу къ тебѣ, любезный Александръ Ивановичъ.

Давно ли бесѣдовали мы съ тобою на Кисловкѣ, глазѣли на красоту, богатство и пышность въ стѣнахъ Благороднаго Собранія, ѣздили на Басманную наслаждаться сладостнымъ удовольствіемъ быть съ умнымъ и добрымъ челоуѣкомъ? Давно ли мечтали мы о славѣ, объ успѣхахъ? Давно ли? И гдѣ это все, и когда это возвратятся? Ночь ужасная окружаетъ насъ; мы бредемъ, и сами не знаемъ куда. Гдѣ освѣтятъ насъ лучи наступающаго утра, и когда наступитъ оно? Признаюсь, надеждѣ заперто мое сердце: оно столько было ею обмануто; но и самъ разумокъ не былъ ли принужденъ часто признаваться, что онъ строилъ планы свои на песокѣ. Взятіе Смоленска обмануло не одну надежду и самый разумокъ оставило въ дуракахъ. О Москвѣ и говорить нечего. Сердце кровью обливается, и клянусь тебѣ честью, что я еще не привыкаю къ этой мысли. Каждое утро мнѣ вѣжета, что я впервой еще узнаю объ горестной ея участи.

Мы живемъ здѣсь въ Вологдѣ совершенными изгнанниками, ни отъ кого не получаемъ извѣстій. Вотъ ужъ съ мѣсяць, какъ мы разстались съ Карамзинными, поѣхавшими въ нижегородскую свою деревню, и ни строки еще отъ нихъ не получали; о Жуковскомъ также ничего не знаю, кромѣ того, что 1-го сентября, въ тотъ день, какъ мы съ нимъ разстались, онъ перешелъ въ дежурство свѣтлѣйшаго и хотѣлъ отпроситься въ отпускъ. Дай Богъ, чтобы онъ исполнилъ свое намѣреніе! Не завидна судьба тѣхъ, которые теперь въ арміи: я немного по опыту узналъ объ этомъ. Ты не можешь вообразить, какъ мнѣ грустно было смотрѣть на пѣсколькіе десятки тысячъ нашихъ соотечественниковъ, жертвъ прусской тактики и проклятыхъ позицій.

А ты что дѣлаешь, любезный? Заклинаю тебя написать мнѣ хотя двѣ строки, хотя два слова и доставлять мнѣ иногда извѣстія, которыя вы получаете изъ арміи. У тебя переписчиковъ много,

и это тебѣ ничего не будетъ стоить. Здѣсь, кромѣ нелѣпныхъ сказокъ, никакихъ нѣтъ извѣстій. Вообрази же, какъ должна быть мучительна сія безвѣстность о томъ, что дѣлается. Навонецъ, жена, за которую я столько боялся и трепеталъ будущаго, для которой рѣшился я пріѣхать въ Вологду, родила сына Андрея, котораго вручаю твоей любви.

Счастливъ еще, кто можетъ оплакивать участь свою въ объятіяхъ семейства и быть хоть какой-нибудь помощью тѣмъ, съ вѣмъ соединенъ онъ душою и небомъ. Я вечеръ узналъ по печатнымъ извѣстіямъ, что французы удостаивали деревню Климову, то-есть, знакомое тебѣ Остафьево, своимъ посѣщеніемъ, и что происходила въ немъ маленькая спибка. Тихое убѣжище, въ которомъ за нѣсколько недѣль тому назадъ родились страницы безсмертной, а можетъ быть, и никогда не извѣстной свѣту „Исторіи“ Николая Михайловича, исторіи славныхъ нашихъ предковъ, было свидѣтелемъ сраженія съ французами, покорившими почти въ два мѣсяца первыя губерніи Россіи.

Я получилъ на дняхъ письмо отъ Сѣверина, которое увѣдомляетъ меня объ отъѣздѣ его въ Гишпанію, а Блудова въ Швецію. Счастливый имъ путь! Я, признаюсь, не имѣлъ бы духа показаться въ чужіе края до конца ужасной нашей трагедіи.

Повторяю тебѣ усерднѣйшую мою просьбу о письмахъ твоихъ и извѣстіяхъ изъ арміи. Ты окажешь мнѣ незабвенную услугу. Мы здѣсь совершенно какъ въ темницѣ, и безсовѣстная длина письма моего служитъ тому доказательствомъ. Прости, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, будь здоровъ и помни преданнаго тебѣ Вяземскаго. Пиши мнѣ просто въ Вологду.

5.

Тургеневъ князю Вяземскому.

27-го октября 1812 г. Петербургъ.

Вчера получилъ я, милый другъ князь Петръ Андреевичъ, письмо твое отъ 16-го октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, не смотря на то, что оно писано въ уныломъ

расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но связывалъ о содержаніи онаго; и я тогда уже, а еще болѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пенялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, но о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя влодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патриотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ, ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его; а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безызвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія; наконецъ, примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей-разбойниковъ). Все сіе успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное

отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Онъ лопнетъ или съ досады, или отъ бѣшенства зрителей, а за нимъ послѣдуетъ и вся группа его. Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить. Они обратятся въ пользу обоихъ состояній. Связи ихъ утвердятся благодарностью и уваженіемъ съ одной стороны и увѣренностью въ собственной пользѣ съ другой. Политическая система наша должна принять послѣ сей войны также постоянный характеръ, и мы будемъ осторожнѣе въ перемѣнѣ оной. Мы избѣжали еще другого зла, которымъ намъ угрожали, но объ этомъ я и намекаю не хочу. Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но, конечно, прежде должно приучить себя въ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія: мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою; потерялъ невозвратимое, напримѣръ, всѣ акты, грамоты, бібліотеку; но еще, право, ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе—о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ. Дѣла наши идутъ очень хорошо. Непритель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики: мы его преслѣдуемъ уже за Вязьмою.

Послѣднія донесенія князя Кутузова очень утѣшительны. Наполеонъ желаетъ спасти, кажется, одну гвардію; армію, кажется, онъ рѣшился жертвовать. Ты вѣрно читаешь всѣ извѣстія въ „Сѣверной Почтѣ“, и для того я тебѣ не посылаю ихъ, но пришлю копіи съ многихъ интересныхъ, перехваченныхъ у непріятеля, писемъ. Подпишусь для тебя на „Сынъ Отечества“, въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все, что можетъ ободрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патриотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви въ отечеству! Послѣ буду писать болѣе и чаще. Не забывай и ты меня.

Сѣверинъ уѣхалъ въ Испанію, Блудовъ въ Стокгольмъ. Я остался вѣренъ Петербургу и дружбѣ твоей. Весь твой Тургеневъ.

29-го октября.

6.

Князь Вяземскій Тургеневу.

7-го ноября 1812 г. Вологда.

Часть полученія письма твоего, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, внесенъ въ малое число часовъ, бывшихъ для меня радостными со дня изгнанія нашего и вѣрно будетъ стоять изъ первыхъ. Знаки дружбы отъ людей по сердцу нашему всегда драгоценны, но въ такое время, какъ теперь, служатъ они единственною отрадою. Ты ободрилъ еще письмомъ своимъ и до него уже немного ободренную мою душу послѣдними извѣстіями о военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ; но все, однако же, не могу я во всемъ согласиться съ тобою. Представь себѣ человѣка, у котораго заболѣлъ мизинецъ на ногѣ, и у котораго глухой лѣкарь, испугавшись того, отпилялъ ногу и послѣ, какою-то нечаянною благостью неба, успѣлъ излѣчить ее и, положимъ такъ, даже возвратитъ совершенное здоровье больному, о которомъ уже всѣ ближніе отчаявались. Конечно, ни ему, ни ближнимъ его нельзя